

Матрас, или Прощание с Бабелем...

Рассказ из 20-х годов

...Мой брат был беден. И была весна. И было лето. Когда наступало лето, и мы задыхались по вечерам от сумасшедшего запаха цветов и акаций, нам было все равно.

Кровь неслась по нашим наэлектризованным телам вверх и вниз, как будто ее кто-то подгонял. Ее подгоняло наше сердце, наши сердца — мое и брата Изи. Они колотились гулко и тревожно... Душа замирала. Соленая кровь совершала тысячу первый раз свой кровавый и вековечный путь по нашим сосудам. В голове шумело... Падали звезды... Шарахаясь из стороны в сторону, от берега к берегу, ходило под Одессой, как под сердцем, большое Черное море... Оно раскачивалось, налетало на берег и сразу уходило, — как будто его ждали на другом берегу... Море, море!.. Какая пошлость — думать за матрас! И все-таки, как только подходило к концу лето, и уже не было ни сладкого запаха дынь на базарах, ни теплых лунных ночей, ни собак у булочных, ни... мало ли чего еще? И уже начинался ветер, и шумел парк, и пахло осенью, и хотелось тепла, — я и Изя, мы оба начинали лихорадочно думать про матрас. Мы думали про него всю зиму... Мы сочли бы иметь его один на двоих. Мы даже забыли о женах. Мы хотели матрас. И несчастье произошло. На нашей улице действительно купили его. Новый. Полосатый. Голубой. Это была давняя мечта — моя и моего брата Изи. Матрас сладко звенел, как арфа, когда вы на него садились, и долго провожали вас гудением своих струн, когда вы поднимались с него... Это был настоящий орган!.. Это была бы роскошь на грани безумия. И его купили. Это не сделал ни я, ни брат Изя. Это сделала тетя Песя, здесь сидящая. ОНА сделала это... Она сделала это публично, при всех. По улице везли матрас. Была весна. И мы пошли за ним, как за гробом...

2

...О не спрашивайте, что было потом! Конечно, весь квартал вылез из окон и смотрел на нас, провожая нас сочувственными взглядами. Все знали, как мы хотели матрас, и все видели, как мы не имеем его. Мальчишки преследовали нас по пятам. Все сумасшедшие квартала шли за нами, кривляясь. Даже тихий помешанный Шая бросил ковриать в носу и плел-

ся за нами в сандалиях на босу ногу, и глаза его осмысленно смотрели. Сморгатые дети, золотушный приплод Привоза, не отставали от нас ни на шаг и дразнились...

Тогда мы не выдержали. Мы не выдержали унижения.

...Тень брата качнулась на стене. Она тронула тетю Песю за руку: "Вы помните это, расскажите, как это было, в точности".

Тут вмешался я.

— Мосье Бабель, — сказал я, потому что передо мной сидел именно он. — Вы, как всякий, я думаю, писатель, — умный человек. Вы гораздо умнее, может быть, чем известная Хана Маневич с Малой Арнаутской (пусть земля ей будет пухом!)... и губернатор Новороссии, вместе взятые. Я бы даже сказал, за самого царя!.. Но — не будем преувеличивать...

— Да-да, не будем преувеличивать, — мягко и с глубоким ехидством сказал Бабель.

...Так вот, я прошу у вас каплю внимания к этой истории. Мы не могли выдержать унижения и печали. Мы начали умолять тетю Песю, обладательницу сокровища, и обещали ей все. Мы на ходу отдали ей все наши деньги и говорили о счастье наших детей и внуков, и о благодати Божьей, которая опустится на нее, о милости, в которой не отказывают, о том, какое благодеяние перед Богом и людьми она совершит, — если продаст нам этот матрас, средоточие наших помыслов, нашу мечту...

И на глазах у всех случилось чудо. Великая доброта и жалость снизились на тетю Песю, бедную мать единственного сына, убитого по ошибке в прошлом году налетчиками в мануфактурной лавке Арона Ципеса.... Короче говоря, мы перекупили его. Прямо на улице. Он был наш. Целиком. Со всеми своими звонкими потрохами. Тугой и воздушный. Мы готовы были голодать, чтобы купить его. И мы бы голодали, в этом нет сомнения! Но несчастье произошло...

3

...Когда мы подходили целой процессией к дому брата, в конце улицы показались конники, это были петлюровцы. Они неслись с саблями наперевес, прямо наперерез нам, по Малой Арнаутской, не доходя Преображенской... Они неслись на своих мыльных конях, матерно ругаясь, задыхаясь от погони и от жажды, от запаха евреев и предвкушения погрома. (Это было, как раз когда мы доходили до Изиного дома, и с балкона чуть не выпали его дети, кричащие нам вслух...) Они

неслись нам навстречу. Наш матрас несли два лепетутника с Провоза, два чужих человека. Увидев близко от себя конские морды петлюровцев, они испугались.

МОЖНО было испугаться, но НЕЛЬЗЯ было бросать дорогую вещь. Они бросили его прямо под копыта контрреволюции, и обезумевшие всадники пронеслись над ним, как судьба...

...Они рас-топ-тали наше добро во мгновение ока. Каждая лошадь считала своим прямым долгом всадить копыта в голубой шелк и серебряную спираль пружины — вещи, которой мы не успели насладиться. Больно было видеть это. И мы ослепли от горя... Но брат Изя, наверно, ослеп больше, чем я. Иначе он заметил бы, что стоит слишком близко от дороги — слишком близко от смертоносного пути разгоряченных коней... Бедный Изя, он рванулся вперед. Он совсем забыл о страхе, он хотел спасти свою мечту, которую терзали кони неизвестно откуда взявшейся банды... И он попался.

С криком, который я не могу вам передать, ЕГО ПОЛОСНУЛИ по лицу бандитской саблей. И брат упал...

Я не буду долго размазывать по тарелке кровавую кашу из пыли и слез... Я скажу коротко: всадники, как ангелы смерти, пронеслись над нашими головами — над нашим горем — и исчезли в золотой молдавнской пыли...

4

...Налетела на город настоящая буря, из тачанок и красных знамен, и никогда больше погромная банда не возвращалась в нашу жизнь. Революция пришла и больше уже не уходила с прекрасных улиц Одессы. Началась, КАК ВЫ САМИ УЖЕ УСПЕЛИ ЗАМЕТИТЬ, наша с вами жизнь, вечная радость для наших внуков, и как знать, может быть, даже (не дай Бог, конечно) правнуков... Но брат Изя был убит навсегда.

...Видите ли, что я вам еще скажу... Я скажу вам, что наша прихоть, наша мечта, наша надежда на маленькое счастье, которое заключал в себе тогда этот несчастный и великолепный по тем временам (да и по нынешним тоже!) матрас, — стоили нам дорого... Так всегда бывает, за мечту надо платить. Как вы думаете, я не прав? Я прав.

Качая большой мудрой головой, вы улыбаетесь со слезами на глазах и считаете, конечно, что эта местечковая трагикомедия (назовем ее так) не

очень достойна вашего пера... Но вы понимаете также и то, что эта маленькая история из жизни больше, слава Богу, не повторится, и от этого вам грустно, радостно и немножко больно...

...Старая тетя Песя, у которой на лице уже не было места для морщин, гладила своими остывающими пергаментными пальцами теплую руку писателя и качала белой от воспоминаний головой...

Одесса, 1980

